

Александр Белов (Селидор)

ТРУДНО БЫТЬ РУССКИМ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С29

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Селидор (Белов, А.)

С29 Трудно быть русским.— М.: Тотенбург, 2024. — 628 с.

Воин-рус Брагода из XI века оказывается в Западной Белоруссии накануне начала Великой Отечественной. Брагода встречает разных людей, обретает друзей и сталкивается с врагами, не однажды его хотят убить, он попадает в партизанской отряд Захара Кружа...

Брагода не понимает многого из того, как устроено общество через десять веков от появления первых славянских государств, и задает всем «наивные» вопросы. Отвечая на них, другие герои романа вынуждены вместе с нами еще раз понять, кто мы и где сегодня находимся.

Профессиональный психолог, А. К. Белов (Селидор), знает, что люди не могут быть свободны от эмоций в момент события. И говорить о сегодняшних днях мы сможем лет через десять, не раньше.

Поэтому в романе декорации второй мировой: ее выборы не заставляют нас субъективно разделяться, тут мы всё для себя давно решили. И можем сконцентрироваться на другом. Кто может называться «русским»? Почему «русские не сдаются»? Почему вообще с нами все это происходит?

Роман держит в напряжении до последней страницы, и в то же время дает возможность подумать и ответить на вопросы, которые терзают сегодня каждого из нас.

**УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)**

© Александр Белов (Селидор)

© Издательство «Тотенбург», 2024

Дочери Олесе посвящают эту книгу

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Беспокойная овсянка тревожилась на ветке, готовая в миг вспорхнуть. Любопытство удерживало её от побега. Она крутила жёлтой головкой, поворачиваясь к человеку то одним, то другим глазом. А человек беспечно валялся на припёке, подложив руки под голову и покусывал травинку.

— Эй! — крикнул кто-то.

Овсянка вспорхнула и понеслась прочь.

— Чего? — спросил Брагода, нехотя.

— Там... Это... Свеоны пришли из города своего Бирки.

— Ну и что?

— Они побились с данами где-то на острове Бьёрна. Много народа потеряли, и теперь им нужны воины. Чтобы дойти до Микельгарда¹.

Брагода подхватил эти слова не сразу. Казалось, ему сейчас нужно было время, чтобы соображать. Но, проникнув в смысл, он вдруг оживился, воспрял с разогретой земли, и всё в нём теперь пришло в движение.

Он ушёл со шведами и уже не вернулся на свой русский остров Руян. Ушёл навсегда.

Где-то потерялась его жизнь по дороге в Константинополь. Шведы двигались через земли куршей, ятвягов, мазовшан, дреговичей... Иногда им приходилось проби-

¹ Константинополь

ваться с боем, через посты, засады и набеги. В общем, всё как обычно для такого каравана.

Под Туровом, на стрельбищах легендарного когда-то князя Драговита и оборвал Брагода свою историю.

А шведы пошли дальше, через волынян и венгров на юг, на юг, на юг...

Кто станет интересоваться отдельно взятой человеческой жизнью в далёком столетии? Ещё одна песчинка судьбы оказалась смытой беспощадным временем.

Анюта хлопотала на кухне, возле примуса и печки, которую в это время не разжигали. Ганна Мироновна сидела на табуретке, сложив руки на коленях, и смотрела на Анюту ровно и безмысленно. Эти два женских возраста столь ярко показывали противоположности, что никаких пояснений и не требовалось. Только Анюте могло показаться, что взрослая женщина придирчива к ней безо всякого на то основания, может, ревнуя свой мир к новым для него рукам, а, может, пытаясь доказать, что она ещё способна обходиться здесь без посторонней помощи.

Но Анюта не была посторонней, правда и хозяйкой становиться не спешила. В доме Ромы Батуся она пребывала в качестве невесты, хотя их отношения с Батусем были не так прямолинейны и понятны даже им обоим. Сейчас этим двум женщинам приходилось делить Рому, который боялся и маму сердить, и Анюту чем-то обидеть.

Прежде Рома жил с мамой в Мозыре. Там они с Анюткой и познакомились. Это случилось в больнице, где Рома работал после института и куда Анюта попала с аппендицитом. После 17 сентября и освобождения Западной Белоруссии, Батуси переехали в Янов. Рому направили в Горздравотдел, Ганна Мироновна была при нём. От Мозыря это недалеко, по железной дороге всего вёрст триста, не боле. Но отец Анюты вдруг получил назначение в Пинск, что как нельзя лучше сложилось для молодых сердец, и Аня стала приезжать в Янов из Пинска

по воскресеньям. Теперь Рома был под присмотром уже двух женщин, и каждая по-своему мешала развитию его яркой мужской индивидуальности: мама не хотела отпускать его из подчинённого ей детства, а невеста — не оставляла надежды на будущее. Под натиском Анюты он просто не успевал поставить свои цели и пробиваться к ним через собственный опыт.

Рома был очень скромным человеком. Он не умел повышать голос и заявлять о правах. Даже если это были права рабочего класса. Анюта сперва гневалась на него, но Рома... чудесно стрелял. Да, он выбивал в тире три десятки из пневматического ружья, а после — стал посещать городской Осоавиахим, и даже добился звания «Ворошиловский стрелок», выстреливая нормативы из винтовки Мосина². Это заставило Анюту по-другому оценить друга. Теперь она допускала, что он другой, просто другой. Ведь не все же могут шагать в авангарде рабочего класса. Но его всё равно есть за что уважать.

А ещё Рома Батусь был хирургом, человеком мужественной профессии. Правда она, эта профессия, полностью поглощала всё его мужество, и ни на что другое, включая гражданскую позицию, у Ромы часто не хватало сил.

Степан Григовец не спешил знакомиться с претендентом на сердце дочери. Она тоже не считала Рому готовым для этой встречи, ведь отец был сотрудником НКВД, заместителем начальника управления, носил две «шпаль» в пет-

² «Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству» (сокращённо ОСОАВИАХИМ) — советская общественно-политическая оборонная организация. С 1 августа 1936 года нормативы на значок «Ворошиловский стрелок» II ступени требовалось выполнять только из боевой винтовки.

лицах³, и к людям относился с профессиональным недоверием. Может быть, даже с каким-то выработанным презрением. А таких, как Рома, он вообще считал ненадёжными.

Ганна Мироновна поднялась с табуретки и, шаркая ногами, пошла на крыльцо. Аннушка посмотрела ей вслед лукаво, с лукавой улыбкой. Ведь Ромина мама ждала, где бы найти повод для недовольства, да так и не отыскала.

Примус нещадно коптил, однако убавлять огонь Анюта не могла — его не хватало, чтобы достаточно пропечь сковородку, и оттого драники на шипящем смальце совсем не прожаривались. Теперь, когда хозяйка удалилась, Анюта смогла прибавить ещё чуть огня и дело пошло веселее.

Во дворе громко и возбуждённо заговорили.

Среди переголосья уверенно слышалось щебетание Тоси, всегда болтливой без меры и беспокойной. Вообще-то, она — Тоня, но уж как-то повелось среди друзей называть её Тосей.

К ней привязался неприятный тип по фамилии Лёвушкин. Везде за ней ходит, как на верёвочке. И вот сейчас он что-то говорит Ганне Мироновне, жаль из кухни Анюта не могла разобрать, что они там обсуждают.

Этот Лёвушкин, как считала Аня, похож на уголовника. Ужимки у него какие-то кошачьи, руки всегда держит в карманах, специально сутулится, чтобы голову иметь ниже. Точно у кота перед дракой. Разговаривает с гаденькой улыбочкой, пронзая тебя злыми глазами.

³ Старший лейтенант госбезопасности, соответствовало званию майор РККА. После 1943 года было приравнено к воинскому званию старший лейтенант.

И когда говорит, шею напрягает так, что вены проступают. Очень неприятный тип.

Лёвушкин носил широкие брюки с манжетами, никогда не знавшие утюга, выгоревшую майку, такую узкую, что был в ней обтянут как греческая скульптура, и кепку, сдвинутую козырьком на глаза. На вид ему было лет семнадцать, как и самой Ане.

— Наше вам с кисточкой! — сказал Лёвушкин, заходя на кухню.

Анюта не ответила.

— А где Ромаша?

— На дежурстве, — нехотя сказала Аня, закрывая сковородку крышкой.

— Где Роман Богданыч? — выпалила Тося, врываясь на кухню вслед за Лёвушкиным и не слыша ничего вокруг.

— Что случилось? Почему он вдруг всем понадобился? — спросила Анюта.

— Ой! Ты не представляешь...

Третьей возле примуса появилась Ганна Мироновна. Анюта поняла, что и её взбудоражили эти двое.

— Ромочка на дежурстве, — сказала Ганна Мироновна с интонациями утвердительного сомнения и некоторого недоумения. Для убедительности своих сомнений она вытаращила глаза.

Лёвушкин полез к сковородке, но получил по руке от Анюты. Та погасила примус и сняла сковороду с конфорки.

— Мы нашли этого... стрычанского усопца. Ну, про которого говорят, что он святой, — заявила Тося как ни в чём не бывало.

Девушка подошла к мутному зеркалу у рукомойника и поправила привычным жестом непослушные волосы.

Анюта возмутилась:

— Как тебе не стыдно повторять всякие сплетни, всякие пережитки? Ты же комсомолка!

— Причём здесь сплетни? Мы нашли его в подвале скита. И он подаёт признаки жизни. Обыкновенный человек, только впал в это... как это называется?

— Летаргический сон, — подсказал Лёвушкин.

— Вот именно, летаргический сон, — повторила Тося.

— А Рома зачем вам понадобился? — поинтересовалась Анюта.

— Он же доктор! Значит может вывести усопца из состояния сна, — решительно заявила Тося.

Лёвушкин скривил губы и продолжил начатую Тосей мысль:

— Этот жмур под наркозом. Верно говорю. Вот Ромаша его и откачает.

— Что ещё за глупость?! — возмутилась Ганна Мироновна.

Никто не понял, что она имела в виду: то ли про само существование усопца, то ли про медицинские возможности сына, то ли про наркоз.

Анюта не дала ей взять инициативу и, перебивая желание Ганны Мироновны расточать возмущение, заявила:

— Не будет Рома заниматься этой ерундой. Некогда ему.

— А когда у Романа Богданыча заканчивается дежурство? — поинтересовалась Тося.

Ганне Мироновне очень нравилась, что эта девушка называла ее сына по имени-отчеству. Она и сейчас это отметила про себя, отвлекаясь от неприятного чувства собственной ущербности, когда главенство в их доме перехватывала Аннушка.

И тут все разом перевели внимание на открытую дверь кухни, потому что во дворе что-то происходило. Это «что-то» и вызвало у всех внезапный интерес.

Роман Богданович Батусь ездил в больницу на велосипеде. На большом чёрном велосипеде Харьковского завода имени товарища Петровского. Эта замечательная модель была когда-то сработана в Риге на велосипедной фабрике Лейтнера, а после гражданской войны досталась пролетарской стране вместе с самой вывезенной трофейной фабрикой.

Рома очень гордился своим велосипедом и относился к нему с неменьшим вниманием и заботой, чем к больным, которых лечил.

Он освободился сегодня на час раньше, потому что дома его ждала Аннушка. К тому же Палыч пришёл на дежурство задолго до своего времени. По воскресеньям Палычу нечем было заняться, и он приходил в больницу даже не в своё дежурство, просто так.

Рома прошуршал резиновыми шинами по сухому дресвяному⁴ грунту, слез с велосипеда и вошёл на кухню. Ещё ярко светило игривое майское солнышко, хотя согласно измерительным данным хронометрии уже начался вечер. Часы показывали шесть часов с небольшим.

⁴ Дресва́ — осадочная горная порода, которая внешне напоминает песок.

Всеобщее внимание, и обращённые к нему взгляды озадачили Рому. В дело вступила Тося. Она рассказала о необычной находке в Стрычанском ските, о человеке, который иссох как мумия, но был живой, потому что дышал, и поднесённое к нему дамское зеркальце запотевало. А ещё у него был слабый, нитевидный пульс, Лёвушкин может подтвердить. Она рассказала также о том, что про этого человека в Стрычанах знала местная бабка со времён своего детства, и ещё достаточно много, прежде чем Рома утвердился, что ничего не понял из её рассказа. Он не понял ни про бабку, ни про скит, ни про человека, похожего на мумию. Тогда Анюта объяснила ему своим языком из того, что усвоила. Роман озадаченно посмотрел на Тосю, будто это она была виновата в истории странного человека из Стрычан.

— Давайте поедem туда побыстрее! — заявила Тося, готовая подпрыгнуть от нетерпения.

— Нет, поступить нужно по-другому, — рассудительно заговорил Батусь, — позвони в больницу, пусть дежурная запишет в журнал вызов. Скажи только, что у больного приступ брадикардии. Ничего про усопцев, мумий и старух говорить не надо. Скажи, что будешь встречать «карету скорой помощи»⁵ у дороги на хутор. Поняла?

— И кто туда поедет? — спросила Анюта.

— Палыч, кто же ещё?

— Поехали сами! — заволновалась Тося. — Это же научное открытие! А ваш Палыч только и может, что рецепты выписывать.

⁵ В довоенные годы применялся этот термин.

Батусь посмотрел на Аннушку, давая понять, что решение сейчас за ней.

Ему пришлось вернуться в лечебницу, для того чтобы убедить Палыча остаться у больной из третьей палаты, которой сегодня стало хуже. Всё равно за день это был единственный вызов. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Так что доктор Батусь мог записать его на себя. А вот Аннушке просто не терпелось обличить Тосю в простодушии и доверчивости. Наверняка с этим усопцем она просто поверила кому-то на слово. Тося легкомысленная и не может принципиальность применить там, где следует. Вот как с Лёвушкиным, например.

К тому же возвращаться сегодня в Пинск Аня не собиралась. У неё было ещё два свободных дня до смены. Несовершеннолетних в депо не ставили работать сутки через двое. Аняте, как работающей несовершеннолетней, полагался один лишний день, и потому она могла уехать только завтра.

У них были странные отношения с доктором Батусем. Когда год назад он вошёл в палату, куда положили Аню, взъерошенный, нескладный, со стетоскопом, оказавшимся почему-то на плече, девушка поняла, что должна взять над ним шефство. Рома был старше Аняты на шесть лет, но её тогдашние шестнадцать выглядели против его возраста как огромный жизненный опыт. И она стала опекать молодого хирурга, совершенно не думая, что эти отношения могут перерасти во что-то ещё.

А потом Рому перевели в Янов, и Аня впервые осознала, что это, скорее всего, у них начинается именно так. Без вздохов и ахов, без обломанных веток сирени и стихов под луной.

Рома очень стеснялся того, что Анюта ещё так молода, что формально её детство ещё дежурит возле больших кукол с бантами. Должно дежурить, во всяком случае. Но у Анюты давно уже не было такого детства. Рома этого просто не знал. Для старшего лейтенанта госбезопасности Степана Григовца она с четырнадцати лет была и дочерью, и подругой, и матерью в одном лице.

Она даже иногда чистила ему «наган», когда он приходил домой среди ночи и, не раздеваясь, заваливался спать на кушетку. Сперва Григовец отругал дочь за такую инициативу, но присмотревшись одним глазом к стекольно-глянцевым нарезкам револьверного ствола, отметил, что она молодец! Он не разрешал, но и не запрещал трогать его оружие. И Аня снова вычистила «наган», и он снова остался ею доволен.

Она любила наблюдать по утрам, как отец поправляет отглаженную гимнастёрку, обшитый желтой строчкой скрипучий ремень с портупеей, потом начищает до блеска сапоги. Ей все это ужасно нравилось.

Теперь же у Анюты с Ромой предполагалась любовь, это время пришло, но ни он, ни она об этом ещё ни разу даже не говорили. Романтика пока ещё не знала, как и когда вступить в их отношения.

К удивлению Аннушки, Рома проявил самый живой интерес к этой истории со стрычанским усопцем.

— Это же невозможно! — сказала Аня, когда они остались одни, и Рома уплетал уже подстывшие draniki.

— Что невозможно? — спросил Батусь, отвлекаясь.

— Чтобы человек столько лет пребывал в летаргическом состоянии.

— Ну, во-первых, мы пока ничего не знаем о его состоянии. А то, что у него летаргический сон, — это мнение Тоси. Надо поехать и посмотреть.

— А что же во-вторых? — спросила Анюта.

— А, во-вторых, научное открытие всегда начинается там, где удаётся исключить установку «это невозможно».

Анюта сжала губки, но ничем возразить не нашлась.

Через двадцать минут санитарный ЗИС-101 с фарой, на которой горел красный крест, выехал из больницы гаража.

В машине была ещё медсестра Айгуль, которая должна была сопровождать врача на вызов. Объяснить присутствие Анюты Батусь смог не сразу.

— У нас необычный случай, — сказал он, — эта девушка будет писать о нём заметку в комсомольскую газету.

Айгуль было всё равно, про что Анюта напишет заметку, а вот водитель выразил явное сомнение относительно услышанной версии. Он прежде видел эту девушку в доме молодого врача, и потому сейчас лишь тихо улыбнулся.

Тося и Лёвушкин добирались до хутора на мотоцикле. Этот мотоцикл был большой гордостью Тосино друга. Целыми днями он ремонтировал его в гараже у вокзала. Модный «Л-300» с нового Ленинградского завода! Конечно, мотоцикл принадлежал не Лёвушкину, но

кто являлся его хозяином, и почему парень так свободно распорядился «ленинградцем», Тосе выяснить не удалось.

«Старшему оперуполномоченному Яновского отдела НКВД тов. Зарубину. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА. Довожу до вашего сведения, что объект, известный по упоминаниям местных жителей как «стрычанский усопец» существует. Он представляет особый («сложный» зачёркнуто) случай медикаментозного воздействия на организм человека неизвестных препаратов, вызвавших глубокое угнетение нервной системы. Кем является объект установить не удалось. Документов при нём не обнаружено. Объект помещён в Яновскую городскую больницу под наблюдение врача Батуся. Верный делу товарища Сталина и нашей партии активист «Марьяна». Подпись. Число: 20 мая 1940 года.

II

— Я осмотрел его, — говорил утром доктор Гуревич сонному Роме Батусю. Рома щурился от солнца, бывшего струями света сквозь бязевые шторы в ординаторской. Рома щурился скорее по привычке, потому что уставшие глаза доктора Гуревича это солнце не беспокоило.

Вечеслав Павлович всегда своё имя писал через букву «е». Его поправляли, но он произносил имя польски, с ударением на втором гласном.

— «Вячеслав» говорят только белорусы, — заявлял Гуревич, — это не удобно, потому что надо разевать рот, будто принимаешь ложку касторки. Моё имя — ВечЕслав!

Гуревич был почти решительным человеком. Возможно, это объяснялось тем, что, как он сам любил говорить, ему нечего было терять. Почти как пролетарию, по образному выражению из Манифеста Коммунистической партии⁶. «Только в отличие от пролетария у меня и цепи нет», — говорил Гуревич.

— Ох, закричите вы на себя др-р-аму. Я хочу сказать за ваш язык! — тихо говорила ему Циля Моисеевна Китцис — главврач больницы, когда они сидели вдвоём в ее кабинете. Она была женщиной большого размера с десятком тугих складок поперёк круглого тела. Эти складки

⁶ «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.» (Манифест Коммунистической партии, 4 гл., последний абзац, 1848). Данное изречение может быть логико-смысловой калькой библейской фразы: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное.»

мучали медицинский халат на ней, который ей шили на заказ. Цилия Моисеевна знала, что говорит. Она даже не смотрела Гуревичу в глаза. На всякий случай.

Доктор был человеком старой закалки, как-то дожившим до сорокового года. Правда он прежде жил в Полесском воеводстве, чем и объяснялось его болтливое долголетие, но «принял советскую власть» и, не имея никаких возможностей для побега от неё в прошлом тридцать девятом году, теперь проявлял остатки характера.

— Я осмотрел его, — повторил Гуревич, — без сомнения им кто-то занимался, иначе бы мы обнаружили пролежни, а их нет. Слюно-глотательный рефлекс отсутствует. Но зрачки утром стали реагировать на свет. Дилататор⁷ вяло иннервируется!

Батусь оживился.

— У него третья степень коматозного состояния, — почему-то отметил Рома, видимо анализируя на ходу услышанное от Гуревича, — и он выходит сам?

Палыч покачал головой.

— Давайте подготовим его и введём состав, — вдруг предложил Батусь.

— Мы не знаем причины поражения нервной системы. У нас отсутствует анамнез его заболевания. Цилия Моисеевна будет против.

— Но мы не можем его содержать здесь, — возразил Рома.

— Значит, перевезём в областную больницу.

⁷ В данном случае — мышца, расширяющая зрачок.

В этот момент в коридоре послышались решительные шаги. Так стучать по деревянному полу могли только подошвы офицерских сапог.

Батусь и Гуревич сжались как по команде. Дверь ординаторской распахнулась, и перед ними возник человек в военной форме и в синей фуражке⁸.

— Кто здесь Батусь? — спросил энкавэдэшник.

— Он, — выдохнул Гуревич, ткнув пальцем в онемевшего Романа.

— Я — старший оперуполномоченный Яновского райотдела НКВД Зарубин, — отчеканил вошедший. — Доложите, кого вы привезли по вчерашнему вызову кареты скорой помощи?

У Ромы застрял комок в горле. Преодолевая ступор, он сбивчиво заговорил:

— Неизвестный. Состояние тяжёлое. Пребывает в коме третьей степени. Документов при нём не обнаружено. Возраст — примерно лет 40–50. По внешним признакам.

— Вы осматривали его одежду? Обратили внимание на ярлычки, этикетки, нашивки, штампы, особенности швов? Я изыму всё, даже трусы.

— Но... — нервно возразил Батусь, — у него ничего не было. Только саван.

Опер остановил на Роме тяжёлый, немигающий взгляд.

— А кто вызвал карету скорой помощи? — спросил вдруг Зарубин.

⁸ Форма сотрудника НКВД.

— Неизвестный житель хутора Стрычаны, — соврал Батусь. — Их там немного живёт, можно всех опросить.

— Ладно, — отсёк опер, — с этим решим. Где он?

— Кто? — робко спросил Рома, потеряв канву мысли.

— В палате. Одноместной, — заговорил Гуревич, чтобы оправдать своё присутствие в ординаторской.

— А вы кто?

— Дежурный врач Гуревич.

Зарубин достал блокнот и записал фамилию.

— Когда его можно будет допросить?

Оба врача пожали плечами.

— Дело, видите ли, в том, — неуверенно заговорил Вечеслав Павлович, — что могут потребоваться определённые процедуры. Это, вероятно, опасно для его жизни. Она пока очень эфемерна.

— Чего? — переспросил Зарубин.

— Висит на волоске, — уточнил Роман.

— Но ему можно вернуть сознание?

— Можно, — подтвердил Батусь, — однако доктор Гуревич считает, что мы неоправданно рискуем.

— Что за чушь! — властно заявил оперуполномоченный, — немедленно приступайте к операции!

— Но мы несём ответственность за последствия, — попробовал возразить Палыч.

— Ответственность вы будете нести, если мне не удастся узнать, кто он. Причём узнать от него самого. Всё ясно!?

Оба врача кивнули, как по команде.

— А что будет, если последствия окажутся необратимы? — осторожно спросил Палыч.

— Чего?

— Если он умрёт, — пояснил Рома.

— Умрёт, значит умрёт. Вы что не понимаете, с чем мы тут имеем дело?

Врачи выразили единое молчаливое недоумение.

— Поляки везде ведут против нас подрывную деятельность, оказывают во всём сопротивление. Их правительство, которое находится в эмиграции, недавно одной из своих целей заявило войну с большевизмом, — принялся объяснять Зарубин, расхаживая по ординаторской и скрипя сапогами, — открыто заявило! И тут появляется «заморыш», про которого местные рассказывают всякие небылицы. Значит, внедрение прошло с подготовочкой, со своей отработанной легендой! Уяснили?

— «Усопец», — мягко поправил опера Батусь.

Зарубин сдавил его взглядом.

— Да-да, — рассеянно заговорил Рома, прорываясь через этот взгляд, — он действительно похож на поляка. У него такие, знаете, большие, пышные усы. Но не длинные, а подрезанные, как у польских шляхтичей.

— Ну вот, видите! — подхватил Зарубин.

Гуревич хотел вставить сомнение, что просто кто-то регулярно брил и стриг «усопца», вот и создал ему польские усы, но подумал, что сейчас лучше промолчать.

Тело доставленного было тронут лёгким майским загаром. Однако согласно профессору Владиславу Глузиньскому, у которого учился Гуревич, загар — это реакция кожи на повреждение её клеток. Значит у их подопечного присутствовали живые рефлексy! Кто-то регу-

лярно выставлял тело под весеннее солнце, и натирал бальзамическим раствором.

— Вот что, — закончил словесный натиск Зарубин, — делайте всё возможное, чтобы его оживить.

— А как же Циля Моисеевна? — попробовал заупрямиться Палыч.

— С вашим главным врачом мы найдём общий язык, — обрубил опер.

Что такое найти с НКВД общий язык врачи хорошо знали.

Когда чекист ушёл, Палыч обречённо посмотрел на Батуся.

— Но вы же понимаете, что у нас здесь мало шансов? — спросил Гуревич. — Реакцию его сердца и сосудов мозга мы не сможем контролировать.

Рома ничего не ответил.

— Ладно, пойду готовить нашего «заморыша», — после некоторой паузы выдавил из себя Гуревич и вышел из ординаторской.

— «Усопца», — механически поправил его Рома. Он остался один. Солнце по-прежнему било через занавески, и от этого вся цветность комнаты упала в серое: стены, горшок с геранью, стеклянный шкаф, вешалка... И только портрет товарища Сталина, перепечатанный типографией с картины художника Герасимова, выглядел свеженько и в красках. Сталин был во френче, на трибуне у кумачового полотнища, и смотрел, прищуривая глаза, куда-то влево.

Рома поймал себя на том, что, глядя на портрет, он невольно вытянулся и втянул в горло кадык.